

На правах рукописи

Т. Бойкова

Бойкова Татьяна Анатольевна

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ)

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Т. Бойкова

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре языкознания Института иностранных языков
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Волгоградский государственный социально-
педагогический университет»

Научный руководитель – *Крюкова Ирина Васильевна*, доктор
филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: *Васильева Наталия Владимировна*, доктор
филологических наук, профессор, главный
научный сотрудник отдела теоретического
и прикладного языкознания ФГБУН ИЯ
РАН «Институт языкознания Российской
академии наук»

Фомина Жанна Владимировна, кандидат
филологических наук, доцент кафедры
иностраных языков ФГБОУ ВО
«Волгоградская государственная академия
физической культуры»

Ведущая организация –
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 17 мая 2017 г. в 11 часов на заседании диссертационного
совета Д 850.007.12 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский
городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва,
Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города
Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу:
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ
ВО МГПУ www.mgpu.ru.

Автореферат разослан _____ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Герасимова С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена сопоставительному исследованию метаязыковых высказываний, в которых содержится языковая рефлексия русских и американских имядателей и носителей личных имен.

Личные имена относятся к актуальным, когнитивно и эмоционально значимым языковым единицам, выбор и употребление которых постоянно оцениваются обществом, что находит отражение в разнообразных способах языкового выражения эмоционально-оценочного к ним отношения. Исследование данной проблемы предполагает обращение не только к теории имени собственного, но и к современным положениям коммуникативно-прагматической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Актуальность исследования определяется, во-первых, национально-культурной и социокультурной значимостью личного имени в русской и американской лингвокультурах, во-вторых, недостаточной изученностью антропонимов как объекта оценочных высказываний носителей неблизкородственных языков и культур с учетом последних достижений социолингвистики, коммуникативно-прагматической лингвистики и сопоставительной лингвокультурологии.

Объект исследования – метаязыковые высказывания (рефлексивы) носителей русской и американской лингвокультур, в которых указываются причины выбора имени для ребенка, а также даются разнообразные оценки личного имени. **Предмет** исследования – социокультурные особенности отношения к личным именам, зафиксированные в рефлексивах именуемого субъекта и именуемого.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: метаязыковые высказывания русских и американских имядателей и носителей имени отражают социокультурные особенности ситуации наречения именем, содержат информацию о номинативных интенциях имядателей и об отношении к именам их носителей, что позволяет выявить общие и различительные признаки ценностного восприятия личных имен представителями неблизкородственных лингвокультур.

Степень разработанности проблемы. Языковая рефлексия как лингвистическое явление исследуется многими учеными на протяжении последних десятилетий. Программой можно считать работу И.Т. Вепревой, «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху», посвященную суждениям об актуальных лексических единицах в современных средствах массовой информации. Некоторые положения в исследованиях, посвященных более широкой проблематике, затрагивают те или иные аспекты языковой рефлексии с позиций разных направлений современного языкознания:

коммуникативно-прагматической лингвистики (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.Д. Васильев и др.), психолингвистики (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская и др.), социолингвистики (Н.Б. Мечковская, Л.П. Крысин и др.). При этом не учитываются метаязыковые высказывания, содержащие оценку имен собственных. Отдельные наблюдения за оценочными высказываниями, посвященными личным именам, встречаем в работах А.В. Суперанской, Н.В. Васильевой, М.В. Голомидовой, Б.С. Шварцкофа, З.С. Санджи-Гаряевой и др. Подходы к исследованию языковой рефлексии на собственные имена намечены И.В. Крюковой. Некоторые из данных подходов использовались при анализе метаязыковых высказываний, содержащих оценку рекламных имен (О.В. Врублевская) и школьных прозвищ (И.С. Стаханова). При этом специальных сопоставительных исследований, посвященных языковой рефлексии на личные имена, не проводилось.

Цель исследования – выявление универсальных и культурно-специфичных особенностей процесса присвоения и особенностей восприятия личного имени, отраженных в метаязыковых высказываниях русских и американцев.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить понятие языковой рефлексии применительно к личным именам;
- 2) описать структуру номинативной ситуации «наречение именем» в русской и американской лингвокультурах;
- 3) охарактеризовать и сравнить мотивы наречения именем, отраженные в рефлексивах русских и американских именуемых субъектов;
- 4) проанализировать ценностное отношение к личному имени, представленное в рефлексивах русских и американских носителей имени;
- 5) выявить причины несовпадения номинативных интенций имядателей и ценностного отношения к личным именам русских и американских носителей имени.

Основным материалом исследования послужили: 1) результаты опроса русских и американских респондентов, который производился в форме свободных бесед, через Интернет, в форме рассылки анкет на международном ресурсе “Facebook”, а также с помощью программы для создания интернет-опросов и составления анкет [surveymonkey.com](http://www.surveymonkey.com); 2) метаязыковые высказывания русских и американцев, размещенные в сети Интернет на специализированных сайтах, посвященных личным именам или имеющих специальные рубрики для обсуждения личных имен: URL: <http://www.babynamewizard.com>; URL: <http://nameberry.com>; URL:

<http://forum.familyclub>; URL: <http://jenskiyforum.ru>; URL: <http://www.baby.ru> и др.

Всего для анализа было привлечено 780 метаязыковых высказываний, содержащих языковую рефлексию имядателей и носителей имени (из них 418 русских и 362 американца). Во всех рефлексивах сохранены авторский стиль, орфография и пунктуация.

В качестве дополнительного материала использовались публицистические тексты – фрагменты интервью, в которых интервьюируемые (в большинстве своем известные люди) рассказывают о мотивах, которыми они руководствовались при наречении именем ребенка, или об отношении к своему имени.

В исследовании использовались следующие **методы**: общенаучный синхронно-описательный метод, представленный приемами наблюдения, классификации, интерпретации и обобщения; сравнительно-сопоставительный метод; комплексная социолингвистическая методика опроса, включающая свободную беседу, анкетирование и опрос через Интернет; контекстуальный анализ текстов различных жанров, содержащих языковую рефлексию на употребление личных имен (интернет-общение, публикации в СМИ), и прием количественных подсчетов.

Теоретико-методологической базой послужили работы русских и зарубежных исследователей:

- по ономастике, посвященные проблемам теории имени собственного (В.Д. Бондалетов, Н.В. Васильева, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, И.В. Крюкова, Т.В. Хвесько, Р. Dickson, A. Gardiner, V. Langendok и др.), а также анализу русских и англоязычных антропонимов как разряда имен собственных, занимающего центральное место в ономастическом поле (И.В. Гайдук, С.И. Гарагуля, М.В. Голомидова, О.А. Леонович, И.А. Королева, М.Э. Рут, И.С. Стаханова, E.D. Lawson, W. Nicolaisen, J.K. Skipper и др.);
- по прагмалингвистике и лингвокультурологии, посвященные анализу взаимоотношений автора и адресата, прагматического контекста и коммуникативных ситуаций в их соотношении с особенностями лингвокультуры (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.Г. Гак, В.Б. Кашкин, В.Н. Телия, В.И. Шаховский, Т.А. ван Дейк и др.);
- по социолингвистике, направленные на исследование социальной обусловленности языковой рефлексии (И.Т. Вепрева, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, D. Crystal и др.);
- по психолингвистике, посвященные проблемам порождения и восприятия высказывания (Л.С. Выготский, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, A. Garnham и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней в качестве объекта языковой рефлексии рассматриваются личные имена, функционирующие в русской и американской лингвокультурах, исследуются социокультурные характеристики языковой рефлексии как имядателя, так и носителя имени. Выявляются универсальные и культурно-специфичные особенности ситуации «наречение именем», мотивов имянаречения, ценностного отношения к личным именам и причины номинативных неудач, обусловленные несовпадением номинативных интенций имядателей и оценкой имен их носителями.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем уточнены характеристики языковой рефлексии применительно к антропонимам и выявлена социокультурная специфика языковой рефлексии на личные имена, что представляет определенный интерес для дальнейших сопоставительных исследований, выполняемых на стыке ономастики с социолингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой и прагматикой. Кроме того, представленный в работе подход к анализу метаязыковых высказываний может представлять интерес при исследовании имен собственных других разрядов как объекта языковой рефлексии.

Практическая ценность работы определяется возможностями использования полученных результатов в практике вузовского преподавания языкознания, лингвокультурологии, страноведения, в спецкурсах по ономастике, социолингвистике и психолингвистике, при изучении русского и английского языков как иностранных, при разработке тем курсовых и дипломных работ. Понимание социокультурной специфики имянаречения и восприятия личных имен может способствовать облегчению процесса межкультурной коммуникации с носителями языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая рефлексия в антропонимии рассматривается как ценностное отношение представителей определенной лингвокультуры к личным именам, отраженное в метаязыковых высказываниях (рефлексивах) имядателей и носителей имени. Данные метаязыковые высказывания содержат эмоциональную оценку личного имени, которая позволяет определить основные ценности общества и его традиции в сфере имянаречения.

2. В метаязыковых высказываниях имядателей отражены социокультурные особенности номинативной ситуации «наречение именем», которая относится к типизированным номинативным ситуациям и может быть представлена в виде последовательных действий основных ее участников: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, законодательное закрепление

имени в органах власти. Наблюдается зависимость формы и содержания рефлексивов не только от принадлежности к определенной лингвокультуре, но и от пола, возраста, уровня образования и психологических характеристик имядателя.

3. Языковая рефлексия имядателей позволяет определить интенциональность имянаречения. Основной мотив в номинативной деятельности русских имядателей – эстетические предпочтения и оригинальность имени. Для американских имядателей ведущий мотив – стремление назвать ребенка в честь кого-либо из родственников, а также избежать сложных звуковых и буквенных сочетаний.

4. Языковая рефлексия носителей имени позволяет выявить их ценностное отношение к именам. Оценивая свои имена позитивно, носители русской лингвокультуры отмечают в основном благозвучие и словообразовательные возможности имени, а также редкость имени и привлекательность этимологии. Носители американской лингвокультуры высоко оценивают, в первую очередь, связь имени с семейными традициями, редкость имени и удобопроизносимость, а также возможность персонифицировать себя с помощью имени. Метаязыковые высказывания негативного характера у носителей русской лингвокультуры связаны, в первую очередь, с неблагозвучностью и трудностью произнесения имени, с негативными коннотациями и нежелательными деривационными вариантами имени, а негативное отношение носителей американской лингвокультуры – с неявно выраженной гендерной принадлежностью имени, с его чрезмерной распространенностью, а также со сложностью в произношении. Это свидетельствует о приоритете эстетического компонента при оценке личных имен русскими и прагматического – американцами.

5. Несовпадение номинативных интенций имядателей и оценки имен их носителями можно квалифицировать как номинативную неудачу в ситуации «наречение именем». Номинативные неудачи могут быть обусловлены языковыми, лингвокультурными, прагматическими или психологическими причинами. Имя часто воспринимается негативно в подростковом или юном возрасте. С возрастом и русские, и американские носители имен меняют негативное отношение к своим именам на нейтральное или даже позитивное.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на аспирантском семинаре при кафедре языкознания ВГСПУ и на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» ВГСПУ (2013–2016 гг.). Основные результаты исследования докладывались на международных научных конференциях: «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2013),

«Ономастика Поволжья» (Ярославль, 2012; Тверь, 2014), «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2014; 2016), «Язык и репрезентация культурных кодов» (Самара, 2015), на Международном on-line-семинаре молодых исследователей «Городской ономастикон» (Волгоград, 2015).

Апробация результатов исследования осуществлялась также в рамках коллективного научного проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (грант № 15-34-01008 «Социоономастика: имена собственные в макро- и микросоциуме»), руководитель – И.В. Крюкова).

Содержание работы отражено в 10 публикациях общим объемом 3,5 п. л., из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (167 наименований), списка лексикографических источников (14 наименований), источников иллюстративного материала и приложений, содержащих примеры анкет.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе **«Языковая рефлексия как объект сопоставительного ономастического исследования»**, состоящей из трех параграфов, языковая рефлексия рассматривается как ценностное отношение к фактам языка его носителей с позиций различных научных подходов: коммуникативно-прагматического, социолингвистического и психолингвистического; анализируются некоторые подходы к исследованию языковой рефлексии в ономастике; характеризуются русские и американские антропонимы как наиболее актуальные ономастические единицы с точки зрения языковой рефлексии.

В параграфе 1.1 рассматриваются ключевые научные подходы отечественных и зарубежных ученых к определению языковой рефлексии. Языковая рефлексия с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода рассматривается многими учеными (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Н.Д. Голев, Д.Ю. Полинченко и др.) как «рефлексия наивного пользователя», «бытовая философия языка». Она проявляется, прежде всего, в аспекте народной этимологии и эмоциональной оценке носителями языка различных языковых фактов (орфографии, новых слов, заимствований и т. д.).

Социолингвистические исследования языковой рефлексии (И.Т. Вепрева, Н.Б. Мечковская, Т.В. Шмелева, Л.П. Крысин и др.) являются крайне важными с точки зрения выделения и описания особого типа дискурса – метаязыкового – и его основной единицы – рефлексива. Под рефлексивом, вслед за И.Т. Вепревой, будем понимать «метаязыковой

комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы»¹. Отмечается возможность диахронического описания рефлексивов, которые всегда ситуативны и социально обусловлены.

Рассматривая историю изучения языковой рефлексии в психолингвистике (А.А. Леонтьев, Л.С. Выготский, А.А. Залевская и др.), следует отметить рефлексирующий характер большинства психолингвистических методик. Кроме того, языковая рефлексия как психолингвистический феномен исследуется при разработке моделей порождения речи, онтогенеза речи, обучения родной речи и реакции на высказывание собеседника.

Несмотря на существование различных подходов к исследованию языковой рефлексии, имена собственные практически не входят в круг анализируемых явлений.

И.В. Крюковой в самом общем виде намечены направления исследования языковой рефлексии на имена собственные и выделены типы ономастических рефлексивов по субъекту речи (авторские и адресатные), эмоциональной оценке имени (пейоративные и мелиоративные), объему и структуре (первичные и вторичные)².

В некоторых работах на материале имен собственных разных типов (рекламные имена, урбанонимы, прозвища, никнеймы и др.) рассматриваются эмоции, отраженные в метаязыковых высказываниях именуемых субъектов и массового адресата. При этом не во всех исследованиях вводится и обосновывается понятие языковой рефлексии применительно к ономастической лексике. Таким образом, языковая рефлексия в ономастике по-прежнему остается недостаточно изученной областью.

В параграфе 1.2 рассматриваются подходы к исследованию языковой рефлексии в антропонимии. К числу доказанных в современной ономастике относится положение о том, что личные имена занимают центральное место в ономастическом поле, а также сделанный на основании сопоставления личных имен со смежными антропонимическими разрядами (отчествами, фамилиями, прозвищами и псевдонимами) вывод о том, что официальное имя, относящееся к ядру данного поля, характеризуется обязательностью, стабильностью и широким функциональным диапазоном³. Это

¹ Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 76.

² Крюкова И.В. Имя собственное как объект языковой рефлексии: направления исследований // Ономастика Поволжья: материалы XII Междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.). Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 8–11.

³ Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000; Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. 2005. № 2.

обстоятельство объясняет частотность рефлексивов на личные имена и актуальность такого исследования в сопоставительном аспекте.

Важным этапом исследования языковой рефлексии в антропонимии было обращение к сопоставительному анализу антропонимического поля в русской и американской лингвокультурах, в результате которого был обозначен ряд лингвокультурных отличий в способах именовании человека. Самым важным отличием является наличие отчеств в российской антропонимической модели и средних имен (middle names) – в американской. Формула, по которой дается отчество, очень строго регламентирована: отчество дается только в честь отца; а средние имена могут даваться в честь любого из старших родственников. Отмечается также частотность сложных имен в американской лингвокультуре, которые обычно объединяют имена родителей или бабушек и дедушек. Например: Georgianna (George + Anna), Joanna (Joe + Anna)⁴. Эта тенденция тоже тесно связана с семейными традициями. В русскоговорящей среде искусственно созданные личные имена – достаточно редкое явление, оно распространено только в сфере прозвищ и псевдонимов. Данные отличительные особенности позволяют говорить о консервативности русской антропонимической системы, которая имеет более длительную историю существования.

Изучение рефлексии на личные имена предполагает также обращение к их аксиологическому потенциалу (параграф 1.3), который может быть выявлен в результате социолингвистических опросов и экспериментальных исследований. В анализируемых нами работах Н.В. Васильевой⁵ и И.В. Гайдук⁶, построенных на экспериментальной методике, было доказано, что личные имена соотносятся как с носителем имени и имядателем, так и с условиями, которые выдвигает общество. На эмоциональную оценку имени влияют такие культурно-исторические факторы, как национальность, конфессия, стремление сохранить традиции внутрисемейного имени, а также желание дать эстетически привлекательное, редкое имя. При этом ни в одной из упомянутых выше работ не анализируются и не сопоставляются метаязыковые высказывания представителей разных лингвокультур – имядателей и носителей имени.

Рассмотренный материал позволил определить языковую рефлексивность в антропонимии как ценностное отношение представителей определенной лингвокультуры к личным именам, отраженное в метаязыковых высказываниях (рефлексивах) имядателей и носителей имени.

⁴ Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высш. шк., 1988. С. 201.

⁵ Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Академия гуманитар. исследований, 2005. С. 77–89.

⁶ Гайдук И.В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2001.

Во второй главе «Социокультурные особенности языковой рефлексии на личные имена», состоящей из трех параграфов, выявляются, описываются и сравниваются социокультурные особенности отношения к личным именам у представителей двух неблизкородственных лингвокультур – русской и американской.

В параграфе 2.1 описываются процедура отбора материала и методика анализа. Нами были разработаны две анкеты: для имядателей и для носителей имени. Анкета для носителей имени состояла из 3 заданий и выглядела следующим образом: «Дополните, пожалуйста, высказывания: 1. *Мне нравится (не нравится) мое имя, потому что.....*; 2. *Я люблю (не люблю), когда меня называют....., потому что...;* 3. Если с отношением к вашему имени связана какая-нибудь история, расскажите ее».

Анкета для имядателей состояла из 3 заданий: «Дополните, пожалуйста, высказывания: 1. *Моего сына (дочь) зовут.....;* 2. *Мы его (ее) назвали так, потому что ...;* 3. Если с выбором имени связана какая-нибудь история, расскажите ее».

Анкеты для американских носителей имени и для родителей включали те же вопросы, что и для русских, переведенные на английский язык. Результаты опроса были дополнены анализом метаязыковых высказываний русских и американских пользователей сети Интернет на специализированных сайтах, посвященных личным именам. Во всех рефлексивах сохранены орфография, пунктуация и авторский стиль изложения.

Когда мы говорим об использовании в работе метаязыковых высказываний русских, то имеем в виду жителей России, для которых русский язык и культура являются родными, которые относят себя к русскому этносу с его традициями и нормами речевого поведения. Оставляя за пределами данного исследования дискуссии о том, можно ли считать американский народ нацией, мы говорим о метаязыковых высказываниях американцев, имея в виду граждан США, носителей стандартного английского языка и американской лингвокультуры.

В параграфе 2.2 анализируется языковая рефлексия русских и американских именуемых субъектов. В пункте 2.2.1 проводится анализ рефлексивов *имядателей*, в которых отражены особенности имянаречения в русской и американской лингвокультурах. Обобщение данных метаязыковых высказываний позволяет определить номинативную ситуацию «наречение именем». Мы взяли за основу структуру номинативной ситуации, разработанную М.В. Голомидовой. К основным ее компонентам относятся: сферы социальной активности, типизированные ситуации, социальные и психологические характеристики именуемых субъектов, а также режим

номинации⁷. Исследование особенностей данных компонентов в русской и американской лингвокультурах позволило определить ситуацию «наречение именем» как типизированную номинативную ситуацию, которая может быть представлена в виде последовательных действий основных ее участников: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, законодательное закрепление имени в органах власти. Наблюдается зависимость формы и содержания рефлексивов не только от социокультурных особенностей, но и от пола, возраста и уровня образования и психологических особенностей имядателя.

Метаязыковые высказывания русских и американских имядателей свидетельствуют о том, что обсуждение имени будущего ребенка происходит в различных сферах: в семье, с друзьями, в Интернете. Причем если американские родители довольно часто обсуждают имена своих детей на специальных форумах и сайтах, то русские родители зачастую предпочитают выбирать имя ребенку в кругу семьи.

В пункте 2.2.2 выделены и описаны основные номинативные интенции имядателей, зафиксированные в их метаязыковых высказываниях. В рефлексивах американских имядателей отражены следующие мотивы имянаречения:

1) семейные традиции (53%):

My father is called Andrew, his father was called Andrew, whose father was called Andrew.... We've chosen this name, because it's a family tradition.

2) стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний (14%):

Andrew. We like that it is two syllables, that it is easy for most people to hear and pronounce.

3) влияние моды (10%):

Our daughter's name is Kacie Anne. We really like it. She has a trendyish first name with a classic meaning⁸.

4) оригинальность имени (7%):

Dorothy. We liked this name because it's unique, there aren't many people with this name anymore.

5) благозвучие (6%):

We called our daughter Morgana because it flows of the tongue and sounds prettier than other names.

6) ассоциации с историческими или культурными деятелями (4%):

Alex. It is more or less the name of someone who conquered the world.

7) религиозные мотивы (4%):

⁷ Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. С. 41.

⁸ URL: <http://nameberry.com>.

Stephanos. We have chosen this name because Stephonos is the name of a heavenly crown.

8) в честь известных людей (деятелей сферы кино, шоу-бизнеса и т. д.) (2%):

Hailey. She was named after Hayley Mills (an actress).

Русские имядатели при выборе имени ребенку основывались на следующих мотивах:

1) благозвучие (43%):

Назвали дочь Арина, потому что всегда нравилось это звучное доброе имя.

2) оригинальность имени (16%):

Мою дочь зовут Ариадна. Мы назвали её так потому, что имя необычное.

3) семейные традиции (9%):

Моего сына зовут Алексей. Назвали так, потому что хотелось продолжения семейной традиции. Дедушку зовут Лев Алексеевич, отца – Антон Львович, а сына – Алексей Антонович. Хотелось «кольцевую композицию», законченность, целостность.

4) в честь человека, сыгравшего важную роль в судьбе (8%):

Мою дочь зовут Елена. Назвала ее так в честь акушерки, принимавшей роды. Это замечательный человек и профессионал своего дела.

5) в честь известных исторических деятелей (7%):

Сына зовут Георгий. Ребёнка назвали в честь министра обороны СССР, четырежды Героя Советского Союза, маршала Георгия Жукова.

6) влияние моды (6%):

У нас сын Захар. Это имя понравилось нам, потому что оно сейчас набирает популярность.

7) в честь известных людей (деятелей искусства, кино, шоу-бизнеса) (5%):

Я – фанатка творчества Сергея Васильевича Рахманинова, обожаю его музыку, да еще и мужа зовут Василий, поэтому проблемы с выбором имени у меня не было, назвала Сереженькой, и получился у меня тоже Сергей Васильевич!

6) религиозные мотивы (4%):

Мою дочь зовут Ульяна. Назвала ее по святым, так как верю в Бога и ангела-хранителя.

7) стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний (2%):

Хотели сначала назвать дочку редким именем Антонина, в честь ее бабушки. Но папа наш, подумав, сказал, что будет, наверное, сложно

произносить – Антонина Константиновна. Тогда дедушка предложил имя Светлана, и все согласились!

Результаты сопоставления мотивов наречения именем русскими и американскими имядателями представлены в табл. 1.

Таблица 1

Мотивы имянаречения русских и американцев, %

Мотив имянаречения	Русские респонденты	Американские респонденты
Благозвучие	43	6
Оригинальность имени	16	7
Семейные традиции	9	53
В честь человека, сыгравшего важную роль в судьбе	8	0
В честь известных людей (деятелей кино, шоу-бизнеса и т. д.)	5	2
В честь известных исторических личностей	7	4
Влияние моды	6	10
Стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний	2	14
Религиозные мотивы	4	4

Таким образом, полученные данные позволяют установить социокультурную специфику имянаречения, представленную в рефлексивах русских и американских имядателей. Анализ показал почти полное совпадение номинативных интенций русских и американских имядателей. Различия наблюдаются в их количественной представленности: основным мотивом для русских имядателей являются благозвучие и оригинальность имени, для американских – стремление назвать ребенка в честь кого-либо из родственников, а также избежать сложных звуковых и буквенных сочетаний.

В параграфе 2.3 анализируется языковая рефлексия русских и американских *носителей* имени, а также номинативные неудачи, которые могут возникать в процессе имянаречения. В пункте 2.3.1 выявлены и

описаны позитивные оценки личных имен их носителями. Феномен оценки был подробно исследован Е.М. Вольф, рассматривающей это понятие как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения»⁹. Автор выделяет разные типы оценок в зависимости от характера оценочного знака. Применительно к исследованию личных имен в восприятии их носителей наиболее актуальными считаем деление оценок с позиции аксиологии на положительные (мелиоративные, позитивные) и отрицательные (пейоративные, негативные), а с точки зрения наличия / отсутствия эмотивного компонента – на рациональные (интеллектуально-логические) и эмоциональные. Согласно концепции В.Н. Телия, эмоциональная (эмотивная) оценка, побуждающая испытывать чувство-отношение к объекту обозначения, добавляется к рациональной, как бы наслаивается на нее¹⁰. В исследованном материале наблюдается четкое разграничение позитивных и негативных оценок личных имен их носителями, при этом во всех рассмотренных рефлексивах отмечается эмоциональный компонент оценочного значения с разной степенью экспрессивности.

Анализ показал преобладание позитивных оценок, что можно считать универсальным свойством восприятия личного имени представителями неблизкородственных лингвокультур. При этом были выявлены некоторые различия в позитивном восприятии личных имен русскими и американцами.

Американцы называли следующие позитивные качества личных имен (в скобках указан возраст респондентов):

1) связь с семейными традициями (23%): *John (53). I like my name because it was very important to my parents to continue the family tradition of naming the first born child John.*

2) редкость имени (20%):

Mitzi (48). I like my name because it's different. There's barely any Mitzi's walking around out there.

3) возможность идентифицировать себя как личность (15%):

Alex (32). I like my name, because, it's my name and it reflects my personality.

4) благозвучие (13%):

Elizabeth (24). I like my full first name, because I particularly like 'E's and the 'z' as well as I think it's a pretty name.

5) легкость произнесения (9%):

Megan (30). I'm Megan Ruth. I work in healthcare and Megan is an easy name for patients to remember/pronounce.

⁹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 11.

¹⁰ Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. С. 39.

б) благоприятные ассоциации с известными носителями имени (7%):

Mike Ross (25). I like my name. For me it has associations with a popular TV show called 'Suits' whose main character's name is Mike Ross.

Для русских основными ценностными характеристиками, позитивно оцениваемыми носителями имен, оказались следующие:

1) благозвучие имени, в том числе и при сочетании его с отчеством (27%):

Александр (24). Я свое имя люблю. Оно звучное. Можно представляться полным именем, и это будет звучать гордо.

2) словообразовательные возможности (22%):

Маргарита (21). Своим именем я довольна, так как мне нравятся его вариации (Рита, Марго, Ритуля).

3) редкость имени (13%):

Меня зовут Вероника (27). В связи с тем, что моё имя всё ещё редко встречается, оно мне нравится. Меня обычно ни с кем не путают.

4) привлекательная этимология (12%):

Виктор (41). Нравится мое имя, потому что оно означает «победитель». Пытаюсь и в жизни соответствовать значению своего имени.

5) благоприятные ассоциации с известными носителями имени (7,5%):

Ольга (56). Очень люблю свое имя! Ассоциируется с княгиней Ольгой, она была великой женщиной.

6) семейные традиции (2%):

Рита (20). Взяли от имени прабабушки Златы последний слог, а первый – от имени другой прабабушки (Риммы, мамы моего дедушки). Получилось имя «Рита». Очень этим горжусь!

7) легкость произнесения (1,5%):

Ирина (39). Мне нравится мое имя, потому что оно красиво звучит и в то же время простое, короткое, легкое имя.

Сравнивая позитивные оценки личных имен русскими и американскими носителями имени, отметим такое позитивное качество, выявленное в рефлексивах американцев, как возможность с помощью имени идентифицировать себя как личность. Не случайно С.И. Гарагуля обращает внимание на особую значимость для американцев антропонимической идентичности, «для формирования которой важными являются языковая и культурная идентичности, так как имя – это, прежде всего, элемент языка и культуры»¹¹. Индивидуализм можно назвать отличительной чертой личности,

¹¹ Гарагуля С.И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М., 2009.

воспитанной в традициях американской лингвокультуры, тогда как для русской лингвокультуры в большей степени характерен коллективизм.

Следует также отметить, что для американцев удобопроизносимость имени оказалась более важной характеристикой, чем для русских. Очевидно, что здесь проявляется такая отличительная черта американцев, как прагматизм. О.А. Леонтович отмечает, что «американский прагматизм проявляется в размере и характере речевых сообщений, которые тяготеют к краткости и конкретности»¹². Во многих случаях это коснулось и восприятия личных имен. Очевидно, что русских респондентов этот вопрос интересует гораздо меньше, они больше внимания уделяют эстетической стороне имени.

Таблица 2

**Позитивные характеристики личного имени
в рефлексивах русских и американцев, %**

Позитивные характеристики имени	Русские носители личных имен	Американские носители личных имен
Благозвучие	27	13
Словообразовательные возможности	22	0
Редкость имени	13	20
Привлекательная этимология	12	0
Ассоциации с известными носителями имени	7,5	7
Семейные традиции	2	23
Удобопроизносимость	1,5	9
Идентификация себя как личности	0	15

Соотношение количественных данных, представленное в табл. 2, позволяет сделать вывод о том, что представители русской лингвокультуры

¹² Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. С. 212.

ценят свои имена в основном за их благозвучие и словообразовательные возможности, достаточно высоко оцениваются привлекательная этимология и редкость имени. Американские респонденты высоко оценивают, в первую очередь, связь имени с семейными традициями, редкость имени и удобопроизносимость, а также возможность персонифицировать себя.

В пункте 2.3.2 выделены и описаны негативные оценки личных имен русскими и американскими носителями. Как отмечалось выше, количество респондентов, которые дали негативную оценку своему имени, относительно невелико: 13% американцев и 15% русских. Однако причины такой оценки разнообразны и заслуживают сопоставительного анализа. При дальнейшем анализе мы за 100% принимали общее количество рефлексивов, содержащих негативные оценки.

Среди американских носителей имени было отмечено негативное восприятие следующих особенностей (в скобках указан возраст респондентов):

1) частотность имени (15%):

Jessika (27). I don't like my name Jessika because it is too common, in fact it rated number 1 girl name for the 1980's hence why it is so common.

2) редкость имени (10%):

Ashlynn (20). I don't like my name Ashlynn, because it's not a common name.

3) простота, непрестижность имени (10%):

Emily (38). So many people have the name Emily that it doesn't always feel unique to me anymore. Just sounds like a prissy, rude girl or old ladies name!

4) трудность произнесения (12%):

Quinn (25). I don't like my name, because I have to repeat it to be sure they hear the correct name. Also they usually ask if it's spelled with one 'n' or two 'n's.

5) ассоциации с другими именами или словами (10%):

Natalie (43). I don't like when they call me Nat because it is the same pronunciation as gnat. I am not a bug.

6) деривационные варианты (8%):

Dorothy (32). I don't like when people call me Dot or Dottie or Dolly which are all short for Dorothy because they sound like a little girls name or an old woman's name.

7) неявно (некорректно) выраженная гендерная принадлежность (20%):

Ross (32). My father probably wanted me to grow up into a debonair playboy and thus named me the male analogous of Rose.

8) отсутствие гендерной принадлежности (5%):

Cassie (22). Don't like my name because it's gender-neutral.

9) негативные коннотации в лингвокультуре (7%):

Heath (42). There is a candy bar called a "Heath Bar" that is popular in my country. So I DON'T like to joke that my father couldn't make up a name for me and saw it in the vending machine while I was being born.

10) ассоциации с реальными или вымышленными персонажами (3%):

Shirley (50). I don't like when they call me Shirley Temple, because I feel mean.

В рефлексивах русских носителей личных имен были отмечены следующие негативные характеристики имени:

1) неблагозвучие и трудность произнесения (17%):

Анна (25). Я своё имя ненавижу. Аня. Особенно буква Н раздражает, гундосное имя. И как Анна звучит, мне тоже не нравится.

2) деривационные варианты имени (13%):

Матвей (29). В детстве своё имя не любил, особенно изобретенную мамой краткую форму Масик (брррр).

3) ассоциативная связь с другими именами или словами естественного языка (10%):

Меня просто бесит моё имя – Стефан (19)! Страдаю из-за этого имени, так как многие преподаватели в Академии неправильно произносят его.

4) негативные коннотации, связанные с этимологией имени (5%):

Марина (34). Не нравится моё имя. Что-то такое мерзкое, мокрое и холодное, живущее во тьме морских глубин... Жуть...

5) неблагоприятные ассоциации с реальными или вымышленными персонажами (10%):

Екатерина (48). Не люблю, так как на ум приходят образы типа Катерины Матвевны среди березок из фильма «Белое солнце пустыни», либо Катюши из песни, стоящей на берегу...

6) редкость и необычность имени (10%):

Василиса (37). «Уникальность» имени (Василиса), которое дали мне родители, просто бесила. Всех друзей я просила называть меня Алисой и даже незнакомым прежде людям представлялась под этим «псевдонимом».

7) чрезмерная распространенность имени (7%):

Екатерина (20). Признаться, мое имя мне не нравится. В школе в моем классе Кать было 3 штуки, теперь и в универе не меньше.

8) простота, непрестижность имени (3%):

Екатерина (27). Самое банальное имя, которое, как мне кажется, можно было придумать... Люблю когда меня называют как-нибудь иностранному: Кейт, Катрина.

9) неявно выраженная гендерная принадлежность (15%):

Евгения (38). Родители ждали мальчика, а появилась я, вот и унисекс имя! Всю жизнь мучаюсь из-за этого! Как только не называют: то Женька, то Женек! Некоторые даже Геней или Еней!

Результаты сопоставления негативных оценок личного имени русскими и американцами отражены в таблице.

Таблица 3

**Негативные характеристики личного имени
в рефлексивах русских и американцев, %**

Негативные характеристики имени	Русские носители личных имен	Американские носители личных имен
Неблагозвучие и трудность произнесения	17	12
Нежелательные деривационные варианты	13	8
Ассоциации с другими словами	10	10
Негативные коннотации	15	7
Неблагоприятные ассоциации с реальными и вымышленными персонажами	10	3
Редкость и необычность имени	10	10
Чрезмерная распространенность	7	15
Простота, непрестижность имени	3	10
Неявно (некорректно) выраженная гендерная принадлежность	15	20
Отсутствие гендерной принадлежности	0	5

Таким образом, русские респонденты негативно оценивают, в первую очередь, неблагозвучие имени, его негативные коннотации и нежелательные деривационные варианты, а негативное отношение носителей американской лингвокультуры связано с неявно выраженной гендерной принадлежностью имени, с его чрезмерной распространенностью, а также со сложностью в

произношении. Это позволяет сделать вывод о приоритете эстетического компонента при оценке имен русскими и прагматического – американцами.

При этом различия в ценностном восприятии личных имен связаны не только с психологическими установками носителя имени и социальными стереотипами, но и с внутренними ресурсами русского и английского языков. Например, количество деривационных вариантов русских имен практически не сопоставимо с аналогичными вариантами в английском языке.

А. Вежбицкая, исследуя русские и английские личные имена с точки зрения их экспрессивного словообразования, отмечает, что в языках с таким богатым экспрессивным словообразованием, как русский, любое трехчастное деление имен, аналогичное делению на полные имена, уменьшительные и ласкательные имена, «просто невысказано из-за величайшего разнообразия альтернативных форм обращения (и референции), которое носителям “умеренного” языка, вроде английского, просто трудно себе представить»¹³. Кроме того, невыраженная гендерная принадлежность имени вызывает негативные реакции американцев, поскольку в английском языке не существует грамматической категории рода и это может вызывать определенные проблемы в коммуникации. А. Вежбицкая выделяет особые мужские и женские коннотации английских личных имен и приводит следующие примеры: «если нам кажется, что в формах Kate, Sue или Liz содержатся мужские коннотации, то только потому, что в них не выражены женские коннотации, свойственные женским формам на -ie/-y вроде Debbie, Vicky или Penny»¹⁴.

Следует также отметить, что молодые люди (до 25 лет) негативно отзывались о личных именах гораздо чаще, чем люди среднего и старшего возраста. С возрастом и российские, и американские носители имен меняют негативное отношение к своим именам на нейтральное или даже позитивное:

*Мне раньше (лет до 16ти) тоже не нравилось мое имя, особенно короткая форма – Люба. Сейчас привыкла и мне даже нравится, когда любимые и родные образуют от моего имени какие-то прозвища: Любушка, Лушечка, Лу, ЛЮбанька, Моя Любовь... Так мило, что разные люди воспринимают меня по-своему*¹⁵.

В исследуемом материале обращают на себя внимание случаи несовпадения интенций имядателя и личных вкусовых предпочтений носителя имени. Эти случаи были нами определены как номинативные неудачи в имянаречении, которые мы рассматриваем как разновидность коммуникативной неудачи (пункт 2.3.3). Данный подход основан на доказанном в ономастике положении о том, что присвоение имени или

¹³ Вежбицкая А. Язык, культура, познание: пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. С. 107.

¹⁴ Там же. С. 102.

¹⁵ URL: <http://www.galya.ru>.

названия – это коммуникативный акт, который контролируется и оценивается как конкретным адресатом названия или носителем имени, так и обществом в целом¹⁶.

Е.А. Земская и О.П. Ермакова к коммуникативным неудачам относят «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление»¹⁷. Так, по мнению авторов, выражается взаимное непонимание речевых партнеров, сопровождаемое эмоциональными переживаниями. Такое непонимание при номинативной неудаче отсрочено во времени и зачастую связано с разным эмоциональным восприятием одного и того же имени или названия, что препятствует выполнению именем собственным коммуникативно значимых функций – идентифицирующей, фатической, рекламной, мемориальной и др. (в зависимости от разряда онима).

При исследовании номинативных неудач, возникающих при изобретении и восприятии собственных имен, целесообразно обратиться к сопоставлению восприятия одних и тех же имен автором и адресатом. Подобная методика анализа использовалась, к примеру, Е.А. Трифоновой при исследовании номинативных неудач в эргонимии¹⁸. Такой подход дает возможность выявления и классификации причин номинативных неудач.

Проведенное нами сопоставление интенций имядателей и оценок имен их носителями позволило выявить причины номинативных неудач, которые можно условно разделить на языковые, лингвокультурные, прагматические и психологические. Практически все рефлексивы носителей имени, свидетельствующие о номинативных неудачах имядателей, содержат прямо выраженные упреки родителям в том, что они дали им такое неудачное имя (в скобках указан возраст носителей имени).

К языковым причинам относятся, во-первых, несовпадения в восприятии фонетической стороны имени: 1) *А вот мне не особо нравится своё имя (Жанна). Слышу что-то грубое в этом имени, не нравится, что нет ласковой формы. ЖАННОЧКОЙ называют редко, большинство ЖАНКА, ЖАН*¹⁹; 2) *Stephanie (23). I don't like my name, especially the way it sounds. The sound fff in the middle irritates me greatly!!!* Анализ ответов родителей показал, что в данных случаях они ориентировались на личные

¹⁶ Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. С. 55–140; Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. С. 192–110.

¹⁷ Ермакова О.Е., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 35.

¹⁸ Трифонова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2006.

¹⁹ URL: <http://forum.mirsnov.com>.

эстетические предпочтения и этимологию имени: 1) *Дочь назвала Жанна, потому что мне с детства нравилось это имя. Мне кажется у него правильная, сильная энергетика. Девочка наша выросла настоящей умницей и красавицей. Надеюсь, она и дальше будет соответствовать этому «сильному» имени!*; 2) *We named her Stephanie because of its meaning of crown, princess and royalty. We thought it would help her to have a constant reminder of who she can become and who she is in God's eyes.*

Во-вторых, к неудачным в языковом отношении, с точки зрения носителей имени, относятся уменьшительно-ласкательные формы: 1) *Мне мое имя Валентина, в принципе, нравится, а вот все сокращенные формы от него – НЕНАВИЖУ! Все эти собачьи клички – Валя, Валюша, Валюшка с собой просто не ассоциирую, могу даже не оглянуться, если меня так окликают²⁰*; 2) *Miranda (30). I don't like when they call me Randa, because it feels lazy. Either call me my designated nickname Randi, or call me Miranda.* Опрос родителей данных респондентов показал, что они основывали свой выбор на семейных традициях, назвав своих детей в честь собственных родителей. При выборе имен они не думали о деминутивных вариантах: 1) *Назвали дочь Валя в честь моей мамы. У нее нормальная судьба и она – замечательная женщина с добрым сердцем!*; 2) *We called our daughter Miranda to honour her grandmother, my husband's mother. She is always ready to help us with everything!*

В-третьих, ассоциативные связи с омонимичными нарицательными именами тоже становятся языковой причиной номинативной неудачи родителей: 1) *Меня зовут Полина (18). Я терпеть не могу свое имя! Знакомые постоянно пытаются его как-то видоизменить, придумать какие-то дразнилки! То Чеполина, то Полено!*; 2) *Stephanie (26). I don't like when they call me "Step fanny" because no one likes to be called "a bottom" in any form.* Родители при выборе имени руководствовались совершенно другими принципами. В первом случае – редкостью имени, а во втором – ассоциациями со знаменитым человеком: 1) *Имя придумали, когда была еще в животике – понравилось, редкое. Пришли в роддом, а Полин там немерено, но менять не стали. Воробьева Полина Сергеевна – звучит хорошо. Ласково зовем Полюська, Люсьен, строго – Анполинария или Поля²¹*; 2) *We named our daughter Stephanie in honour of Gwen Stefani, a famous singer and actress. But we've chosen the spelling Stephanie in order not to make a complete match!*

К лингвокультурным причинам номинативных неудач относим, во-первых, крайне негативное восприятие этимологического значения имени. Причем очень субъективное: *Варвара (35). Просто ненавижу свое имя всей*

²⁰ URL: <http://www.kleo.ru>.

²¹ URL: <https://touch.deti.mail.ru>.

душой! Там в корне слово «варвар», да и само значение – «чужестранка»! Для девочки это просто ужасно! Родители объясняли свой выбор следующим образом: *Выбрали имя Варвара для дочери, потому что оно звучное. Да и сокращенных вариантов у этого имени предостаточно: и Варя, и Варюша, и Варюха!*

Во-вторых, это ассоциации с реальными носителями имени, к которым в данной лингвокультуре неоднозначное или негативное отношение: 1) *Меня зовут Леонид (52). Вроде бы ничего особенного – имя как имя, если бы не отчество – Ильич. Родители, когда называли, совершенно не подумали о том, что их сына просто обязательно будут дразнить «Брежнев». Надо же было так «промахнуться»!*; 2) *David William (46). Don't like it. The main reason is that I share both of my given names (first and middle) with David William Donald Cameron, who leads the Conservative Party of the United Kingdom.* Заметим, что у родителей при выборе имени была ассоциация совершенно с другим человеком: 1) *Назвали сына в честь нашего с мужем любимого актера – Леонида Куравлева. Просто обожаем его фильмы!*; 2) *We thought that David was a good name for our son because it sounds nice! And, by the way, the second name William suits it perfectly!*

К прагматическим причинам относятся два противоположных взгляда на свое имя. С одной стороны, носители имени недовольны, что родители дали им экзотические, редкие имена. Приведем для примера следующие высказывания: 1) *Сандрина. Ненавижу свое имя. Назвали Сандриной. Когда говорю имя, задают вопросы: Что, прости? Извини, не поняла? Я хотела бы быть Светой. Но жалко родителей, они мне долго искали имя, и до сих пор хвалятся, что у меня красивое имя. Я так не считаю²²;* 2) *Dedra (32). I would say my name isn't very common here. I do not like my name because it is pretty rare.... It's different! I often feel out of place when they call me by my name!* Родители в данных случаях, напротив, считают, что выбрали красивые, редкие имена своим детям или ориентировались на семейные традиции: 1) *Очень долго, почти полгода, выбирали имя для дочери, хотелось чего-то необычного. Сошлись на имени Сандрина. Выяснили, что это производная форма имени Александра. Нам понравилось: вроде бы и Саша, а вроде бы и нет!;* 2) *There isn't any special story behind my daughter's name. It is my childhood neighbor had the same name. Also all of our family's names start with a "D".*

С другой стороны, чрезмерная распространенность имени также приводит к неприятию такого решения родителей: 1) *Не люблю свое имя. В паспорте Наталья, а в жизни все равно Наташа. В классе было 3 Наташи кроме меня, половину подруг моих Наташами звали!!! В институте тоже*

²² URL: <http://www.kleo.ru>.

самое, и дальше...²³; 2) *I'm Emily Joy (30). I love my name. Though I'm not pleased about how popular my first name has become, it wasn't quite so popular when I was born (though it was on its way up)*²⁴. Номинативные неудачи в данных случаях были вызваны тем, что родители не хотели называть своих детей необычными именами, посчитав, что это будет привлекать внимание и вызовет насмешки. Некоторые родители пытались следовать модным тенденциям в имянаречении: 1) *Назвали дочь Наташа. На наш взгляд, замечательное русское имя. Не хотели вычурного имени, чтобы ребенок всю жизнь потом с ним мучался!*; 2) *We chose the name Emily for our daughter because it was quite popular and trendy those days!*

Психологические причины номинативных неудач связаны преимущественно с гендерным восприятием имени: *Евгения. Ни мужское, ни женское. Вообще какой-то средний род, меня вечно в детстве путали с мальчиком, даже врачи в поликлинике. Не знаю, может кому оно и нравится со стороны, но жить с этим именем ужасно! Особенно в детстве, когда все Жени, а не Евгении*²⁵. Ответы родителей показали, что при выборе имен они не учитывали особенности, связанные с их гендерным восприятием. Основой для выбора послужили личные предпочтения родителей: *Выбирали из множества имен, но понравилось Евгения. Звучит приятно, да и характеристики у имени хорошие. Хорошее имя для сильной личности.*

Американские носители личных имен тоже сталкиваются с проблемами в коммуникации в случаях, если имя не выражает гендерной принадлежности. Причем, как отмечалось ранее, американцы чаще обращают внимание на невозможность гендерной дифференциации имен, которая создает трудности при коммуникации: *My name's Riley (21). Don't like it because it's doesn't show the sex of the person. To my mind, it's very important.* Родителей, прежде всего, привлекла эстетическая сторона имени, его звучание: *Riley. We didn't think about this name first. But one day, when I was passing by a playground, I heard a mother who called her daughter Riley. I thought it's pretty and decided to give this name to my daughter.*

Рефлексивы русских носителей имен позволяют сделать вывод о том, что для них основными причинами негативного отношения к своим именам стали языковые факторы: неблагозвучие или нежелательные деривационные варианты, образованные от их имен. Американских носителей имен больше беспокоит прагматическая сторона вопроса: частотность или редкость имени, а также его престижность.

²³ URL: <http://rebro-a-dama.livejournal.com>.

²⁴ URL: <http://nameberry.com>.

²⁵ URL: <http://www.lovehate.ru>.

Таким образом, сопоставительный анализ метаязыковых высказываний, содержащих языковую рефлексию на личные имена русских и американцев, позволяет дополнить имеющиеся представления о традициях и ценностях современного общества, его социальном укладе, коллективном и индивидуальном сознании, отраженных в языке и культуре, что представляет определенный интерес не только для ономастики, но и для других направлений современного языкознания: коммуникативно-прагматической лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и социолингвистики.

В заключении диссертации подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы, которые видятся в возможности дальнейшего сопоставительного исследования особенностей языковой рефлексии в ономастике на более широком материале, выходящем за рамки рефлексивов, посвященных личным именам.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Минобрнауки РФ*

1. Бойкова, Т.А. Интенциональность имянаречения в сопоставительном аспекте (на материале опроса российских и американских информантов) / Т.А. Бойкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7(92). – С. 52–56.
2. Бойкова, Т.А. Языковая рефлексия носителей имени (по материалам опроса российских и американских респондентов) / Т.А. Бойкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 7(102). – С. 42–147.
3. Бойкова, Т.А. Номинативные неудачи в имянаречении (по материалам опроса российских и американских респондентов) / Т.А. Бойкова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2016. – № 2 (36). – С. 199–205.

*Статьи в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Бойкова, Т.А. Волгоградский именник с точки зрения языковой моды / Т.А. Бойкова // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 113–117.
5. Бойкова, Т.А. Модные личные имена как объект языковой рефлексии / Т.А. Бойкова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 18 окт. 2013 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 306–311.

6. Бойкова, Т.А. Номинативная ситуация «наречение именем» / Т.А. Бойкова // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы IX Междунар. науч. конф. – Майкоп: Ред.-изд. отд. АГУ, 2014. – С. 59–63.
7. Бойкова, Т.А. Номинативные интенции родителей / Т.А. Бойкова // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. науч. конф. (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 219–222.
8. Бойкова, Т.А. Национально-культурная специфика мотивов имянаречения / Т.А. Бойкова // Язык и репрезентация культурных кодов: материалы и докл. V Междунар. науч. конф. молодых ученых (Самара, 15–16 мая 2015 г.) / под общ. ред. О.А. Усачевой [и др.]. – Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2015. – С. 93–96.
9. Бойкова, Т.А. Личные имена в восприятии их носителей (по материалам опроса жителей Волгограда) / Т.А. Бойкова // Городской ономастикон: материалы Междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И.В. Крюкова, редкол: Г.Б. Мадиева, О.В. Врублевская. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 52–57.
10. Бойкова, Т.А. Национально-культурная специфика языковой рефлексии в антропонимии (на материале опроса русских и американских респондентов) / Т.А. Бойкова // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X Междунар. науч. конф. – Майкоп: Ред.-изд. отд. АГУ, 2016. – С. 55–58.

БОЙКОВА Татьяна Анатольевна

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати . Формат 60x84/16.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4 . Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27